

ОБЛАКА
23.06.2015

В эфире программа «Облака»...

Это передача о заключенных, для заключенных и для всех тех, кому не безразлична их судьба.

Здравствуйте. У микрофона Ирина Новожилова.

На прошлой неделе, 18 июня, был день рождения писателя, поэта Варлама Шаламова, который при Сталине отсидел в лагерях и тюрьмах почти два десятилетия. Выйдя на волю, Шаламов написал «Колымские рассказы», цикл кратких повествований, основанных на быте ГУЛАГа - советских лагерей и тюрем сталинской эпохи. Однако в России при жизни печатались только его стихотворения.

«Я такой задался целью:
Беспрерывно шелестеть,
Шелестеть ледяной метелью,
Ледяные песни петь...»

Колымский лед присутствует постоянно в творчестве Шаламова. «Колыма в моей душе в любой жар», - писал он.

В 1927 году на 10-летие Октябрьской революции, сын вологодского священника Варлам Шаламов участвует в демонстрации оппозиции под лозунгами «Долой Сталина!», «Выполним завещание Ленина!» 19 февраля 1929 года его арестовывают в подпольной типографии при печатании листовок с «Завещанием Ленина». По собственному признанию Шаламова с этого дня начинается его общественная жизнь. Ему не было еще и 22-х лет.

В концентрационном лагере управления Соловецких лагерей особого назначения он принимает решение, которому следовал всю оставшуюся жизнь – поступать только по совести. Его не сломила даже Колыма, ставшая зловещим символом советской лагерной системы.

«Этап с севера, - вспоминает Шаламов, - с лесозаготовок, где рубят руки, где цинга губит людей, где начальство ставит «на комарей» в тайге, где произвол, где при переходах с участка на участок арестанты требуют связать им руки сзади, чтобы их не убили при попытке к бегству».

В докладной записке Чердынского районного отделения ОГПУ 5 апреля 1933 года сухо сообщалось: «Спецпереселенцы из ряда поселков ослабли, в силу этого не выполняют нормы выработки и хлеба зарабатывают по 300 грамм... На поселке Верхняя Лупья они утром выходят на работу, вечером же с работы их уже привозят на подводе, так как они не в силах дойти до поселка.. Ежедневно помирают по 5 человек, всего по району за март умерло 202 человека. .. Как следствие всего этого, особенно усилились побег, за март месяц сбежало 367 человек».

Принудительный труд стал основным методом воспитания, или, как тогда говорили, «перековки социально-опасного элемента». Победы первых пятилеток достигались ценой сотен тысяч жизней, миллионов людей, которые не вписались в систему. С другой стороны, именно на них она и держалась, без их рабского труда она бы не выжила... Система выживала, убивая Человека, физически и морально.

В своих рассказах Шаламов пишет, что над воротами почти каждого лагеря был вывешен знаменитый сталинский лозунг «Труд есть дело чести, дело славы, доблести и геройства». Писатель ярко показал, что это был на самом деле за труд — подневольный, унижительный, рабский по сути, формировавший рабскую психологию. «Лагерь был местом, где учили ненавидеть физический труд, ненавидеть труд вообще». — писал он.

Необходимость давать проценты выработки, «план» приводила, как отмечает Шаламов, к страшному растлению душ — и заключенных, и начальства. «Перековка провозглашала, — пишет он, — что только в труде, активном труде — спасение. Лагерь, перестроенный на деловую ногу, уже не терпел ненужной обслуги, а каждого человека старался использовать, чтобы он давал доход. ... Была создана, все сложнее год от года, система поощрения. Святая тюремная пайка была заменена питанием по тонко разработанной шкале, и бывало, что с вечера объявляли, кому не дадут хлеба завтра». Шаламов с ужасом наблюдал, как легко в таких условиях человек забывал о том, что он человек. — «Человек становился зверем через три недели — при тяжелой работе, холоде, голоде и побоях...» — пишет он в своих воспоминаниях «Что я видел и понял в лагере».

Кроме каторжной работы на голодном пайке, одним из тяжелейших испытаний, ожидавших новичка в лагерях при Сталине, да и вообще в годы Советской власти, был так называемый «блатной мир».

«Без отчетливого понимания сущности преступного мира нельзя понять лагеря» — пишет Варлам Шаламов в одном из своих «Очерков преступного мира». — «Блатари дают лицо местам заключения, тон всей жизни в них — начиная от самых высоких начальников и кончая полуголодными работягами золотого забоя... С ворами считается начальство. Блатари — хозяева жизни и смерти в лагере. Они всегда сыты, умеют «достать», когда все остальные — голодны. Вор не работает, пьянствует, даже в лагере, а крестьянский парень вынужден «пахать». Воры его и заставляют «пахать» — так они ловко приспособились. У воров всегда табачок, лагерный парикмахер приходит стричь их «под бокс» «на дом», в барак, захватив лучший свой инструмент. Повар приносит им ежедневно из кухни украденные консервы и сладости. Для воров помельче с кухни отпускаются лучшие и вдесятеро увеличенные порции. Хлеборез им никогда не откажет в хлебе. ... Крестьянский парень начинает думать, что блатари и есть носители лагерной правды, что они единственная, и материальная и моральная, сила в лагере, кроме начальства, которое предпочитает в огромном большинстве случаев не ссориться с блатарями». В первые годы Советской власти их считали «социально близкими». Было распространено представление о том, что преступный мир — это порождение капитализма, общества социальной несправедливости. Принимались меры по «перековке» профессиональных воров в рабочих и крестьян. Если осужденные по политической 58-й статье получали сроки по 10-15, а позднее и 25 лет лагерей, то грабителей и воров отправляли в тюрьму иногда на несколько месяцев.

Блатные и стали орудием «классовой борьбы», которую коммунистическая власть продолжала вести уже в лагерях и тюрьмах. Они терроризировали других заключенных, причем делали это не только по собственной инициативе, но и по прямому указанию лагерного начальства. Власть твердо решила искоренить миллионы людей, которых она назвала социально чуждыми, и сделать это она решила руками профессиональных преступников.

Первое имя, которое связывается со словом «ГУЛАГ» в представлении любого читателя, это, конечно, Солженицын. За свою знаменитую книгу «Архипелаг ГУЛАГ» Александр Солженицын получил Нобелевскую премию. За это же сочинение его в свое время выгнали из Советского Союза, а его читателей стали сажать в тюрьму. После краха советской власти Солженицын вернулся на родину, а книгу «Архипелаг ГУЛАГ» теперь изучают в российских школах. Солженицын и Шаламов были знакомы. Более того, Солженицын предлагал Шаламову написать «Архипелаг ГУЛАГ» вместе. Но Шаламов шел своим путем.

Если Солженицын, казалось бы, своим «Архипелагом» перевернул и закрыл одну из самых мрачных страниц в истории человечества, то «Колымские рассказы» Шаламова не дают оснований для такого оптимистичного мировоззрения. Собственно о Сталине и сталинизме в них речь почти не идет – слишком уж мелкими становятся эти понятия по сравнению с истиной о человеке вообще.

«Дьявола оказывается невозможно уничтожить, потому что он находится в душе каждого из нас». Шаламов вовсе не противопоставляет народ власти или власть народу. Он слишком хорошо знает, что даже самый свирепый политический режим всегда опирается на явные или тайные желания большинства подданных. «Не надо петь мне о народе. Я знаю, что это такое» - говорит писатель.

Горькие истины от человека, который прожив 75 лет, ни разу за всю жизнь не пошел на сделку с совестью. В лагерях Колымы выжить было невозможно, и люди, подобные ему, погибали там прежде всего. Сам Шаламов выжил благодаря случайности – от общих работ его спасло направление на курсы лагерных фельдшеров.

Вернувшись с Колымы, писатель до конца жизни хорошо относился только к животным, но не к людям. Понимая, насколько трудно человеку со стороны, то есть большинству его читателей, будет постичь описанный им ад, он написал своего рода путеводитель по «Колымским рассказам».

Я «понял, - писал он в своем эссе, - почему человек живет не надеждами - надежд никаких не бывает, и не волей - какая там воля, а инстинктом, чувством самосохранения - тем же началом, что и дерево, камень, животное...Страсть власти, свободного убийства велика - от больших людей до рядовых оперативников...Убежден, что лагерь - весь - отрицательная школа, даже час провести в нем нельзя - это час растрепания. Никому никогда ничего положительного лагерь не дал и не мог дать».

Я здесь живу, как муха, мучась,
Но кто бы мог разъединить
Вот эту тонкую, паучью,
Неразрываемую нить?

Я не вступаю в поединок
С тысячеруким пауком,
Я рву зубами паутину,
Стараясь вырваться тайком.

И, вполовину омертвелый,
Я вполовину трепещу,
Еще ищу живого дела,
Еще спасения ищу.

Быть может, палец человеческий
Ту паутину разорвёт,
Меня сомнёт и искалечит —
И все же на небо возьмёт.

После второй мировой войны международное сообщество постаралось вернуть утраченное в эти безумные годы осознание ценности человеческой жизни. Всеобщая декларация прав человека, принятая в 1948 году, и множество других международных правовых документов ограничили власть государства над человеком, в том числе находящимся в местах заключения. Советский Союз подписался под большинством этих документов, но на практике отнюдь не следовал правозащитным идеалам, подавляя всякое свободомыслие, сажая и выдавливая диссидентов. Период после распада тоталитарного режима оказался настолько кратким, что сегодня мы живем в стране недоученных уроков, где культура уважения прав каждого отдельного человека, прав меньшинства так и не смогла проникнуть в наше общественное сознание.

Варлама Шаламова читают больше за рубежом, чем в России. Для нас его правда резка, неудобна, звучит как приговор. В Березниках, городе, который строил Шаламов, ни одна улица до сих пор не носит его имени, а Эдуард Берзин, начальник Вишерских лагерей, является почетным гражданином Красновишерска. В Соликамске не так давно появилась фигура Феликса Дзержинского, основателя лагерной системы, о которой Шаламов писал, что она – «не противопоставление ада раю, а слепок нашей жизни, и ничем другим быть не может».

Я жив не единым хлебом,
А утром, на холодке,
Кусочек сухого неба
Размачиваю в реке...

Вы слушали программу Облака.
Всем привет.